

Десятилетиями мы платили за национальную катастрофу 1917 года, теперь платим за выход из неё — и тоже катастрофический.

А.И. Солженицын

Книга «Россия в обвале» А.И. Солженицына обычно находится на периферии внимания его читателей. Уже над самим ее названием довлеет стереотип: что это, как не очередная порция «разоблачительной» публицистики 1990-х, которая в то время стала еще более массовой продукцией, чем в предшествующую ей эпоху «перестройки»? Однако под внешним подобием жанра в книге А.И. Солженицына мы находим нечто иное. Точнее сказать, это книга «с двойным дном»: под внешней оболочкой обличений происходящего в то время «обвала» — а по сути, социально-экономической катастрофы в стране — писатель, со свойственным ему даром прозревает не сиюминутные, а более глубокие исторические смыслы. Он показывает, во-первых, что этот «обвал» отнюдь не является лишь результатом чьей-то злой воли (хотя и этот фактор очевиден), но в первую очередь, обусловлен тем состоянием, в котором страна пребывала на исходе советской эпохи. Да, «обвал» мог быть не настолько разрушительным, но суть в том, что его не могло не быть в любом случае. И здесь кроме историсофского осмысления появляется и еще более глубокий и важный нравственный смысл — «обвал» был неизбежен не только в силу конкретно-исторических причин, но и в силу причин нравственных — народ вынужден и даже обязан расплачиваться за грехи своих «отцов».

Во-вторых, сам «обвал» для А.И. Солженицына как для русского писателя и христианского мыслителя — явление совсем иного рода, чем для приземленных строителей «светлого будущего» (независимо от его идеологических обрамлений). Для последних «обвал» — это если и не «происки врагов», подлежащих уничтожению, то как минимум, лишь бессмысленная потеря исторического времени. Но для христианского мыслителя в истории ничего бессмысленного нет. Более того, наиболее глубокий смысл исторических эпох обычно скрывается как раз там, где поверхностный прагматический взгляд видит лишь «потерянное время». Вот именно к такому глубинному и самому важному смыслу двигался от «обличительной» поверхности автор «Россия в обвале».

Парадокс истории состоит в том, что глубинную и подлинную суть каждой эпохи раскрывает не она сама, а следующая за ней эпоха, по-

казывающая результат и итог предшествующей. В этом смысле, как это ни прискорбно для всех ностальгирующих по СССР, 1990-е как раз и раскрыли итог и «тайну» этой предшествующей им «великой эпохи». И «тайна» эта очень проста: за всей внешней «ширмой» великих достижений шел процесс обвальной деградации народа и государства. Пока этот процесс сдерживался рамками жесткой советской системы, он был почти незаметен в силу своей постепенности, и только совестливые русские писатели кричали на пределе своих сил словами В. Шукшина: «Что с нами происходит?» И первым, еще раньше В. Шукшина, кричал А.И. Солженицын. И позднее он нисколько не изменил себе — и в «лихие 1990-е» он не присоединился к стройному хору мстительных плакальчиков по «великой стране», а продолжал искать корень зла не во внешних врагах, а в самом народе: «Что мы сами с собой сделали?» Как делается этот поворот к иному — историческому и нравственному углу зрения — хорошо учит эта книга.

Вот автор пишет (здесь и далее тексты приводится по первому изданию 1998 года (Москва, Изд. «Русский путь»): «Никогда не поставлю Гайдара рядом с Лениным, слишком не тот рост. Но в одном качестве они очень сходны: в том, как фанатик, влекомый только своей призрачной идеей, не ведающий государственной ответственности, уверенно берется за скальпель и многократно кромсает тело России» (с. 20). Здесь схожесть действий власти большевистской и якобы «антикоммунистической» столь разительна, что не требует специальных комментариев. Однако дело не в одной только власти, которая сама ничего этого не смогла бы сделать, если бы ее действия не встретились и с некоторыми «чаяниями» самого народа, этой властью уже давно соответствующим образом воспитанного. Что произошло же произошло, и самое главное — КАК? «Народ, через который все пропускали шоковый электрический ток, — оглушенный, бессильно распластался перед этим невиданным грабежом. Только в таком виде... он мог в марте 1993 проголосовать за одобрение «реформ», несших ему явное разорение и нищету... Народ был осчастливлен объявленным разделом национального богатства равномерно между всеми гражданами через выдачу каждому облигации с диковатым названием «ваучер»» (с. 21).

Это ничего нам не напоминает? А не тоже ли самое было в период самой кровавой в истории Гражданской войны, в которой победили те, кто поддался лозунгу «грабь награбленное» вопреки чести и совести, воспитанной предками? Как видим, и власть, и народ в 1990-е вдруг оказались почти копией власти и народа 70-летней давности — как и в 1920-е, власть «кромсает», а народ — оглушен и «бессильно распластался перед этим невиданным грабежом». И почти по всем параметрам, как мы увидим дальше, 1990-е оказались «двойником» 1920-х. И вот что самое главное — народ был соблазнен и тогда, и в 1990-е одним и тем же коварным обманом — «объявленным разделом национального богатства». В Гражданской войне большевики привлекли на свою сторону крестьян и за счет этого победили — обещанием земли, которую отняли уже через 10 лет, под видом коллективизации восстановив крепостное право в намного более жестокой форме, чем оно было при царях. А в 1990-е новое поколение большевиков, объявив себя «демократами», точно так же соблазнило народ обещанием частной собственности, которую точно так же сразу же и отняли почти у всех.

И А.И. Солженицын далее прямо указывает на прямую преемственность действий *одними и теми же методами* — у большевиков и у властей 1990-х: «Приватизация внедрялась по всей стране с тем же неоглядным безумием, с той же разрушительной скоростью, как «национализация» (1917-18) и коллективизация (1930), — только с обратным знаком... Гай-чубайские реформы велись в понятиях Маркса: если средства производства раздать в частные руки — вот сразу и наступит капитализм и заработает?» (с. 22-23).

Петрудно понять, что кроме четкой аналогии действий и даже прямой преемственности между ними здесь имеет место и закономерность уже чисто экономическая: действительно, после того, как в 1917 году народ был отчужден от собственности, и она 70 лет была государственной, то есть ничьей — именно только после этого и стал возможен и — более того — уже абсолютно неизбежен тот «грабеж» 1990-х, о котором говорит писатель. В 1990-е формально народная, а по факту НИЧЬЯ собственность просто и без всякого сопротивления (а КТО будет сопротивляться? — ведь реальных собственников нет) перешла в руки тех, кто вовремя оказался там, где эту собственность можно было оформить на себя. Речь здесь идет не об «оправдании» этого процесса — а просто о том, что у него фактически не было альтернатив вовсе не из-за чьей-то злой воли, а именно в силу сложившегося объективного порядка вещей. Тем самым, при всей своей внешней идеологической противоположности, 1917-й и 1990-е оказались жестко спаянными частями одного и того же процесса. Поэтому нисколько и не удивительно, что все благие пожелания 1990-х дали обратный результат.

Такая же жесткая преемственность имела место и в «кадровом вопросе», поскольку «в этом-то процессе многие недавние коммунистические партократы оборотливо стали криминальными коммерсантами и частновладельцами. Раньше они распоряжались государственной собственностью ограниченно, теперь — без оглядки.) Да, из коммунистического Вавилона еще б нам не надо было вытягивать ног! Но — по-разному можно было ступать. Нам избрали путь — наихудший, извратительный, в самом себе злоносный» (с. 24-25). А мог ли он и быть другим, если этот «Вавилон» за десятки лет взрастил уже целую армию тех, кто и не умеет действовать иначе?

О них писатель говорит с особым чувством: «Страшной того, как успели разграбить и распродать Россию, — откуда выросло из нас это жестокое, зверское племя, эти алчные грязнохваты, захватившие и звание «новых русских»? с таким смаком и шиком разжиревшие на народной беде?» (с. 201). Да ведь все эти «новые русские» 1990-х — это люди, рожденные в 1960-е, 1950-е, 1940-е, а то и еще раньше — это люди, воспитанные самой классической советской эпохой, когда уже в ней давно не осталось никакого «проклятого прошлого», на которое можно было бы свалить всю вину и заявить о каких-то «пережитках». Нет, ведь эти люди явно «не с неба упали», но это именно те самые кондовые персонажи — «рожденные в СССР», из которых многие ныне пытаются вылепить самый новомодный идеологический бренд! Чтобы «снова наступить на те же грабли»?

Но и эта странная несопротивляемость народа «обвалу» — тоже вовсе не удивительна, но глубоко закономерна. И она тоже была predetermined всеми объективными обстоятельствами предшествующего периода истории. Об этом в книге: «прозвучали похвалы российскому народу, что он «оправдал доверие»: не произошло социального взрыва. Да уж, «бунт бессмысленный и беспощадный» мы с себя, кажется, смыли навсегда. Немощнее нас не вообразить народа» (с. 27). Но ведь и большевики поначалу, пока не разбудили Белое движение и огромные (а ныне почти забытые) крестьянские восстания — и они пришли в власти точно так же! Благодаря наивности и пассивности народа, никак не ожидавшегося, что с ним могут сотворить потом! Писатель напоминает: «Октябрьский переворот — и в Петрограде, и при московских боях, прошел при народном безучастии, с обеих сторон действовали лишь малые группы. Апатия эта не намного лучше необузданного взрыва» (с. 170). И не раз еще на протяжении 70 лет народ потом столь же пассивно и безучастно к собственной судьбе «оправдывал доверие» большевиков. Полная преемственность эпох и здесь совершенно очевидна.

Да, пишет, А.И. Солженицын, «весь нынешний мир смотрит на нас и изумляется: как могла такая огромная Россия так внезапно ослабнуть,

опаст духом и телом и начать стремительный саморазвал — не испытав ни крупного военного поражения, ни сотрясающей революции и гражданской войны, ни массового голода, ни эпидемий, ни стихийных бедствий. Всех поражает именно быстрота падения и непротивляемость наша в том — *до утери самого инстинкта государственного существования. Земная история, может быть, не знает другого такого самоубийственного поведения этноса*» (с. 36). Однако стоит ли удивляться этому после всего вышесказанного? Ведь уже самое элементарное логическое движение мысли заставляет поставить вопрос: а КТО сделал этот «этнос» именно ТАКИМ? И когда это было сделано? Явно не в 1990-е, а раньше.

А вот как новая власть продолжила «дело большевиков»: «Местное самоуправление — это и есть недоразвившееся перед революцией, а после неё *раздавленное большевиками (тоже из конкуренции) земство*. Оно и есть — народовластие. Одно оно только и может дать народу свободное дыхание и постепенно развить навыки демократии». Но нет, «это — мало волнует ее, и даже как бы не замечается ею. Она вся — в себе. Она — упита собою и собою замкнута» (с. 53). И это не просто аналогия, а прямая преемственность: «власть, напротив, уверилась в своей самостойчивости, новые же аппаратчики (аппарат в несколько раз больше цекистского) — что их уже не выкинут и не вытеснят, возможна только тасовка в колоде» (с. 54). И здесь ««демократическая» Россия верна *советской традиции*» (с. 65). «Большевики исказили: кооперативы — в колхозы, земство — в советы; погубили и то и другое» (с. 94).

Поэтому «при стольких внешних переменах флагов, гербов, лозунгов, самая основная черта прежней, коммунистической власти — полная закрытость от народа и полная безответственность за совершаемое — присуща и нынешнему режиму никак не в меньшей мере. А что и попадет в печать — то власть проигнорирует. Все демократические ширмы использованы только для прикрытия жадной олигархии и для обмана мировой общественности» (с. 54). Но ведь вся суть дела-то в том, что эта новая власть просто продолжила «традицию» власти предшествующей, советской — и не более того. Эта модель не придумана в 1990-е, а была взята готовой у предшествующего, *советского* периода.

Естественно, что это породило и соответствующую реакцию: «Кажется, своим распоясанным поведением и распорядительством эта правящая группа в короткие годы сделала всё, чтобы склонить миллионы людей востосковать об утраченном коммунизме. (Вздохи об утерянном «коммунистическом счастье» возникают или у тех, кого прямо не коснулись многомиллионные свирепые уничтожения большевицких десятилетий, или у тех, кто никогда не осмыслил своей тогдашней обокраденной, жалко покорной жизни.) Но не у меньших миллионов действовал и устоявшийся страх перед тучей возврата коммунистов» (с. 58). Так возникает трагический замкнутый круг: от злоупотреблений новой власти люди готовы бежать назад в советское прошлое — забыв, а чаще всего и просто не понимая, что все это не ново, а порождено именно этим прошлым.

Вот как разыгрывается абсурдная трагедия «или-или»: «при всех порой дерзких заявлениях коммунистов, — уверенно продолжалось их втягивание в компромисс с олигархической властью... И вершина Примирения достиглась в день 80-летия большевицкого переворота. В юбилейном обращении Президента *даже не были вспомнены* тюрьмы ЧК-ГПУ и лагеря ГУЛАГа, — но нашлось место «понять и простить тех, кто совершил роковую историческую ошибку», промахнулся на теле России с Великой Доктриной» (с. 59). «Так, к юбилею, две ветви советчины — успевшие в новую власть и завязшие в оппозиции — закономерно снова смыкались. Прочная петля на нашу шею» (с. 60).

Все это касается самых общих исторических закономерностей. Но не меньшую зоркость писатель демонстрирует и во многих частных вопро-

сах. Так, например, в главе «Армия, разгромленная без войны» писатель говорит о том, о чем сейчас предпочитают забывать: «Началась подточка армии, конечно, раньше — от общего тления коммунистического режима... А там — уже на десятилетия отдалилось то ощущение боевой взаимовыручки, которое более всего роднит солдат, — общее же в стране эгоистическое ужесточение нравов проникло сюда в форме уголовно-блатного сознания, породившего унижительную «дедовщину», растаптывающую достоинство человека» (с. 98).

Но особенно важно то, что происходило в сфере культуры: «В советское время разрушительно действовал не только коммунистический пресс, но *искусственное вытворение советской культуры* — взамен и в эрзац русской. А более всего пострадал, грубо упростился наш язык. Сегодня в русском народе и даже в оставшемся тонком культурном слое его до поразительного предела утеряно ощущение и понимание *собственного языка*» (с. 157).

В конечном же итоге, самое главное и тяжкое разрушение, произведенное в советскую эпоху — это разрушение самого человека, души человеческой, нравственности и того живого, душевного быта, на котором она держалась. Об этом с болью писало яркое поколение писателей-«деревенщиков», которому А.И. Солженицын на вручении премии своего имени В. Распутину дал более точное определение — «нравственники». Он и сам принадлежит к этой славной когорте как один из ее основателей — вся «деревенская» проза во многом вышла из его «Матрениного двора». Но в этой книге он выступает как историк, цитируя документы: «в 1917 американский Сенат («Овермэнская комиссия») слышит от протестантского пастора Саймона, пожившего среди русских несколько последних лет: «Я нигде не встречал лучшего типа женщин или мужчин, чем в русских деревнях и даже в среде рабочих. И я всегда чувствовал себя среди них в полной безопасности до тех пор, пока не пришли к власти эти большевики»» (с. 169). Что же произошло? Невозможно не привести здесь довольно обширную выдержку из его текста — она заслуживает того, чтобы войти на страницы всех учебников российской истории XX века как важнейшее обобщение его опыта:

«Селективным *противоотбором*, избирательным уничтожением всего яркого, отметного, что выше уровнем, — большевики планомерно меняли русский характер, издергали его, искрутили. Об истаянии народной нравственности под большевизмским гнетом я достаточно написал и в «Архипелаге» (Часть IV, гл.3), и во многих статьях. Повторю здесь кратко-перечислительно. Под разлитым по стране парализующим страхом (и отнюдь не только перед арестом, но перед любым действием начальства при всеобщем бесправном ничтожестве, до невозможности уйти от произвола сменой местожительства), при густой пронизанности населения стукаческой сетью, — в народ внедрялась, вживалась скрытность, недоверчивость — до той степени, что всякое открытое поведение выглядело как провокация. Сколько отречений от ближайших родственников! от попавших под секиру друзей! глухое, круговое равнодушие к людским гибелям рядом, — всеугнетное поле предательства. Неизбежность лгать, лгать и притворяться, если хочешь существовать. А взамен всего отмирающего доброго — утверждалась неблагодарность, жестокость, всепробивность до крайнего нахальства... Советский режим способствовал подъему и успеху худших личностей. Удивляться другому: что добрая основа еще во стольких людях сохранилась. И удивиться, что наш народ еще не был необратимо подорван, иначе откуда взялись бы титанические силы на советско-германскую войну?» (с. 170-171).

Знаменитое выражение А.И. Солженицына «отрицательный отбор» давно стало широко известным. Это столь печальное явление самоубийства народа, попавшего в условия тоталитарного строя, во многом по инерции продолжается и сейчас. Однажды отлаженный «отрицательный отбор» продолжает свое черное дело, обеспечивая «социальные лифты»

для худших, а не для лучших. Из всех разрушительных наследий советской эпохи — это самое труднопреодолимое.

И даже то, что принято считать великими победами советской эпохи, несет в себе и обратную сторону, которую многие стараются стыдливо «не замечать», — несет свой горький и столь трагический итог: «Вот советско-германская война и наши небереженные в ней, несчитанные потери, — они, вослед внутренним уничтожениям, надолго подорвали богатство русского народа — может быть, на столетие вперед. Отгоним от себя мысль, что — и навсегда. Прозябание народа под Хрущевым и Брежневым не отмечено гигантскими изломами, которые бы меняли народный характер. Наступила та, пророченная Леонтьевым, дремливая и как будто даже уютная покорность. Соками увядающего русского гиганта усилленно подпитывались окраины, все созревая к рывку отделения, — а мы уж рады были, что не гонят нас толпами на уничтожение» (с. 171-172).

Именно поэтому писатель со всей ответственностью имеет право сказать: «Нет, восстановление СССР никак бы не было теперь в интересах и ко здравью русского народа — это было бы утопление его в набухающем азиатском мире» (с. 39). Да, это правда, которую очень многим ныне и очень трудно будет признать. Однако дело не только в этом, но еще и вот в чем: «С конца 80-х годов разившийся в нашей столичной образованности интернациональный восторг едва ли не перехлестнул и ранних большевиков» (с. 28). И снова мы видим ту же самую убийственную не просто аналогию — но самую живую преемственность между большевиками и их якобы «ниспровергателями»!

Общий историософский вывод однозначен: «Десятилетиями мы платили за национальную катастрофу 1917 года, теперь платим за выход из нее — и тоже катастрофический» (с. 200). Именно таков смысл «обвала» России в 1990-х, и таков тот урок, который мы обязаны извлечь из всей нашей истории XX века.

Да, эта книга историософская, хотя и насыщена большим и конкретным жизненным материалом. Хотелось бы дополнить эту историософию, переведя ее в более широкий культурный контекст. Мартин Хайдеггер в статье «Изречение Анаксимандра» анализирует изречение, которое считается древнейшей мыслью европейской философии и имеет самое непосредственное отношение к нашей теме. Звучит оно так: «Откуда вещи берут свое происхождение, туда же должны они сойти по необходимости; ибо должны они платить пени и быть осуждены за свою несправедливость сообразно порядку времени». Именно это и произошло с советской цивилизацией — с нею произошло то, что она сама себе уготовила собственной природой и собственной судьбой. Она уплатила все «пени» и была осуждена за свою несправедливость, когда пришло время. Но горько, страшно и трагично то, что платила это не абстрактная «цивилизация», а живые люди — и часто платили своей жизнью и своею поломанною судьбой.

Древнее изречение точно: советская страна «оплатила пени» и «была осуждена за свою несправедливость» буквально во всем — все содеянное ею словно «вернулось бумерангом». Как большевики в свое время оплевывали «проклятое прошлое», так в 1990-е таким же точно оплеваным «проклятым прошлым» предстали и они сами. Как они объявили Россию «отсталой», теперь точно так же отсталым объявили построенный ими «совок». Как они уничтожали былую Россию во имя «социальной справедливости» и нового общества, точно так же во имя справедливости и нового общества теперь уничтожался и СССР. Большевиков уничтожили те демоны ненависти и лжи, которых в свое время они сами взрастили в народной душе. Советский строй, подобно Голему, убил своего создателя, выйдя из-под его контроля. И вдруг оказалось, что Гражданская война на самом деле закончилась в 1991-м — но в ней снова победили «красные».

Русские прозорливые мыслители и писатели знали, чем все это закончится еще в самом начале, когда все только начиналось и еще очень многих, как А. Блока, увлекала «музыка революции». Так, М.М. Пришвин в своем знаменитом «Дневнике» в 1917 году отвечал им: «Нет, Горький, вы не правы. Злого духа вызываете вы сами, передовые марксисты, социалисты и пролетарии. Идея ваша ни хороша, ни дурна, но средство ваше обратить всю страну, всю нашу природу в стадо прозелитов иностранной фабрично-заводской пролетарской идеи — дурное. Мне вас жаль, потому что вы будете опрокинуты, и след вашего исчезновения не будет светиться огнем трагедии... искушаемые врагами рода человеческого хлыстовские пророки и марксистские ораторы бросаются с высоты на землю, захватывают духовную и материальную власть над человеком и погибают, развращенные этой властью, оставляя после себя соблазн и разврат» (Пришвин М.М. Дневники. 1914-1917. — СПб.: «Росток», 2007. С. 443).

Как видим, М.М. Пришвин пишет здесь не как идеолог, не как «белый» или противник революции, а именно как человек, способный, по евангельскому слову, «различать духов». Идея для него сама по себе «ни хороша, ни дурна», но он видит гибельность именно рабства у идеи, пожирающей живую жизнь народа. И вот потом — уже с другого берега исторической эпохи, эпохи уже закончившейся — и закончившейся еще в самом ее начале предсказанной катастрофой, теперь А.И. Солженицын продолжает ту же самую мысль М.М. Пришвина. Это столь простая, сколь и трудная для большинства мысль о первичности духовного над материальным в историческом процессе — о том, что и катастрофы, и взлеты predeterminedены на уровне духа, а не материальных «свершений». В СССР последних было предостаточно, но они не смогли предотвратить его судьбу.

И поэтому сейчас опять, как и тогда, в 1917-м, говорит писатель, у нас остается только один-единственный шанс: «Если мы действительно способны высвободиться из того примитивного материалистического мироучения, в котором воспитывали нас десятилетиями, что бытие, бытие, бытие определяет сознание, то нам неизбежно понять и принять: будущее наше, и наших детей, и нашего народа — зависит первой и глубинней именно от нашего сознания, от нашего духа, а не от экономики» (с. 201). «Нет, не в земельных просторах наш главный понесенный ущерб. Духовная жизнь народа важней обширности его территории и даже уровня экономического процветания. Величие народа — в высоте внутреннего развития, а не внешнего» (с. 202).

И итогом книги стала великая Надежда: «поездив по России, поглядев, послушав, — заявляю хоть под клятвой: нет, наш Дух — ещё жив! и — в стержне своем — еще чист! Там, там, на встречах, — не я сказал, мне говорили, меня убеждали: «Только бы спасти душу народа! — и спасется все!»» (с. 202). Поэтому «и после прокатанного по нам столетия — есть у русских надежда» (с. 203). Но эта надежда есть только в том случае, если российская история вновь, как это уже не раз бывало, не заикнется на своих не пройденных уроках, ставших ее вовсе не событиями — а катастрофами. И вновь творимый ныне миф о «великом советском прошлом», питаемый самыми низменными комплексами собственной недоразвитости, в настоящий момент становится главной угрозой нашему будущему. Да, СССР был велик во многом — кроме самого главного. Он был не велик, а ничтожен и катастрофически губителен по отношению к человеческой душе, не говоря уже о духе, попавшем здесь даже и под законодательный запрет. Именно в СССР произошла самая страшная форма «антропологической катастрофы» (М.К. Мамардашвили), которая хотя и является глобальной и продолжает нарастать, но именно у нас она достигла почти апокалиптической глубины, до сих пор не знакомой никому в мире. Христианский разум говорит нам, что Господь ничего не попускает просто так и не одно испытание не бывает напрасным. Все

дается не столько в наказание, сколько для вразумления. И опыт СССР бесконечно ценен для всего мира именно этим. Но от того, насколько мы сможем понять этот урок и выработать национальный иммунитет к подобным «экспериментам», полностью зависит наше будущее.

Книга А.И. Солженицына «Россия в обвале» не требует специальной похвалы — она сама говорит за себя. Можно лишь удивляться, как писатель, пользуясь столь непритязательным методом, избегая сложных рефлексий и научных изысканий, одной лишь сметливостью глубокого и хваткого русского ума сумел так просто и точно узреть в сам корень нашей исторической судьбы. Ложные мудрствования, столь распространенные в наше время, почти всегда уводят от самого главного, увязая в тонкостях и частностях. Но здесь как раз тот случай, когда «Мир должно в черном теле брать, Ему жестокий нужен брат» (О. Мандельштам). Идя от очевидного, мы прикасаемся к сути только тогда, когда сами не обманываем себя. Здесь был очевиден лишь «обвал», и проще всего малоудушному уму тут обвинить во всем тех, кто «разрушил великую страну» — чтобы только не увидеть бревно в собственном глазу. Но подлинный ум, пример которого нам показал писатель, говорит честно и твердо: это расплата за наши грехи, это итог наших болезней, поставивших нас на край исторической гибели.

На более академичном языке это будет звучать так: *«обвал» России в пост-советскую эпоху был не «новой» эпохой, искусственно разрушившей старую, а наоборот, самым закономерным и абсолютно неизбежным итогом советского «эксперимента», который изначально вел именно к такому итогу и ничем иным завершиться и не мог бы.* Здесь наша история шла почти с «математической» закономерностью, и все вплоть до малейших деталей, было уже «закодировано» в предшествующую эпоху. Сомнительно даже, что мог бы быть какой-то более «мягкий» вариант «обвала», учитывая в первую очередь «человеческий фактор». В условиях «антропологической катастрофы» и накопления того «человеческого материала», который сформировался в тоталитарный период, ничего лучшего ожидать и не приходилось. Судя по всему, могло бы быть все еще намного и намного хуже — вплоть до полного развала страны о целой серии гражданских войн. От этого нас спас тот же самый «человеческий фактор», который позднее, уже в XXI веке вновь обернулся своей лучшей стороной, еще каким-то чудом сохранившейся в народе. Пусть тот путь, по которому сейчас идет Россия, тоже оказался очень далеким от идеального, но даже он составляет разительный контраст тому полному саморазрушению страны, который ему предшествовал в 1990-е. Писатель здесь оказался прав — не только упадочное бытие определяет сознание — иначе бы от России уже ничего не осталось, — но и нравственное сознание, нравственный подвиг хотя бы части народа способен порой творить чудеса. И пока «наш Дух — еще жив! и — в стержне своем — еще чист» — история России не закончена, какие бы тяжкие предчувствия не одолевали наши души.